

СТРАШКОВА Ольга Константиновна,
*доктор филологических наук, профессор кафедры
отечественной и мировой литературы
Северо-Кавказского федерального университета
(Россия, Ставрополь)*

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЮРИЯ СЛЕПУХИНА

Свои наблюдения над жанровой системой прозы Ю. Г. Слепухина я позволю начать с безапелляционного и точного утверждения К. М. Смирнова, вспоминающего о встречах с писателем: «... дар его необыкновенный, те глубины, которых он касается, и с Божьей помощью достигает, неизмеримы. Он настоящий романист»¹. И ещё одно примечательное высказывание: «...истина у него как бы разлита, у него нет завершённости, когда он творит “Не подводя итогов” <...> Это особенность русской литературы; именно эта недосказанность, несказанность, а понятность...»².

Пытаясь систематизировать представления о художественной системе, поэтике романов и повестей Слепухина, я обратилась в первую очередь к проблеме жанровой идентификации, поскольку жанр включает все составляющие формы и содержания. Теоретическим ориентиром для меня является концепция О. М. Фрейденберг об условности жанровых рубрик. «Жанр — не автономная, раз навсегда классифицированная величина, — утверждает она, — но теснейшим образом увязан с сюжетом, и потому его классификация вполне условна. И сюжет, и жанр имеют общий генезис и нераздельно функционируют в системе определённого общественного мировоззрения...»³. В поисках исследовательской концепции, отправной точки, позволившей бы объединить весь эпический текст (произве-

¹ Смирнов К. М. Мой друг Юрий Слепухин // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество : сб. ст. и материалов / сост.: Н. А. Слепухина, Е. П. Щеглова. СПб., 2012. С. 98.

² Там же. С. 100.

³ Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М. : Лабиринт, 1997. С. 13.

дения эпического рода) писателя, я выделила категорию *ЛИРИЧЕСКИЙ*, поскольку в каждом из произведений зримо «высвечивается» авторское Я. И не только в автобиографических реминисценциях, но и в ярко выраженной писательской позиции, в тонко обозначенном гуманизме, в декларируемом публицистизме. Я избрала для аналитической рецепции прозы Ю. Г. Слепухина понятие «лирический эпос». Однако моя концепция оказалась далеко не оригинальной. В известном данной аудитории издании: *Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество* — моя неновая мысль звучит во многих статьях о специфике художественного видения писателя. Вот наблюдения М. С. Глинки: «Почти каждая из книг Юрия Слепухина является глубоко гуманистической переработкой того опыта его жизни, который уже чем-чем, а гуманным никак не был»⁴. В воспоминаниях Е. О. Мельниковой подчёркивается: «...всё, о чём писал Юрий Григорьевич, было ему близко и знакомо, было пропущено через своё глубокое внутреннее Я»⁵. В. М. Акимов и Е. П. Щеглова в убедительном «Очерке творчества Ю. Г. Слепухина» не раз указывают на автобиографические реминисценции в произведениях писателя и публициста. И всё же возвращаюсь к своему замыслу: выявить специфику и подчеркнуть разнообразие жанровых форм в романном наследии писателя Слепухина, учитывая, что жанровая форма вычленяется в жанрово-родовой системе на уровнях структуры и содержания; в данном случае — содержания, в первую очередь.

Роман-эпопея Юрия Слепухина о Второй мировой войне состоит из четырёх частей, являющих целостное романное единство. Первая часть, «Перекрёсток», написана в традициях классического реалистического романа о становлении личности в социуме, с психологическими портретами, с почти документально выписанными бытовыми деталями, подчеркнутой авторской рефлексией. И здесь в свете нашей концепции «лиризма» значимо замечание автора: «Мои первые литературные попытки относятся к концу сороковых годов, когда я, переехав из Брюсселя в Буэнос-Айрес, начал работать над

⁴ Глинка М. С. Несколько слов о незавершенном романе Юрия Слепухина // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество. С. 103.

⁵ Мельникова Е. О. Преклонение перед талантом // Там же. С. 109.

романом «Перекрёсток». <...> Словом, весь замысел — совершенно ещё неясный мне самому — был, как нетрудно догадаться, продиктован ностальгией»⁶, т. е. тем глубоко личным, что определяет художественное мышление Ю. Г. Слепухина. Жанровую форму второго романа тетралогии, «Тьма в полдень», определяет его сюжетоорганизующее положение в цикле. Здесь завязываются уже все сюжетные линии будущей военной эпопеи. Монтажный принцип обуславливает построение книги: духовное становление советских мальчиков и девочек сменяется публицистическими размышлениями о сущности войны с упоминанием имён исторических лиц, изображением войны в восприятии красноармейцев и немецкого офицера (дневник как вставной элемент композиции), и, наконец, вырисовывается образ интеллигента Болховитинова — своеобразный психологический резонёр, alter ego писателя. Эта множественность в передаче исторических событий и подчёркнутое присутствие автора указывают на жанровую форму исторического психологического романа. Вл. Захаров назвал «Тьму в полдень» самым эпическим из романов Слепухина, «склонного к лирическому мировосприятию»⁷. Интересна структура третьего романа тетралогии, начинающегося и завершающегося описанием танковых выстрелов в разных географических местах и в разных исторических ситуациях. Такая кольцевая композиция — художественный приём, служащий обозначению идейного смысла. В романе «Сладостно и почётно» можно выявить элементы и военного, и «шпионского», и любовного романа, следы романа философского — о человеческой трагедии, трагедии человечества. То есть жанровая форма третьего романа может определяться как некий романский метажанр. Так же полифоничен и последний роман тетралогии, «Ничего, кроме надежды», несущий в себе черты философского, публицистического, исторического, любовного, психологического романа, раскрывающего чёткую гуманистическую позицию автора. Светлана Арро в эссе «Знакомый незнакомец» так сказала о военной тетралогии и её героях: «Их судьбы мастерски переплетены в эпическую картину войны и тыла, собственно, составляя ту, которая раньше

⁶ Слепухин Ю. Г. Писатель и Отечество // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество. С. 393.

⁷ Захаров Вл. Ступить за ограду // Там же. С. 327.

была названа “войной и миром”»⁸. И ещё: «У Слепухина иное, не знакомое российскому читателю зрение. Взгляд человека, который знает больше, смотрит не со своей горки, а с какой-то другой, почти надмирной возвышенности»⁹.

И здесь возникают ассоциации со стилем, названным академиком Д. С. Лихачёвым по отношению к средневековой русской книжности начального периода, стилем монументального историзма, отличающегося описанием любого, даже самого незначительного события как эпохального, видимого на всём пространстве обширного и единого, Богом созданного мира, когда «письменник» взирал на изображаемый исторический факт как бы с высоты птичьего полёта. Тетралогию о Второй мировой войне, или Великой Отечественной, роман-эпопею Юрия Слепухина отличает сложная архитектура, составляющая при этом гармонично организованное единое текстовое пространство, подчинённое задаче с исторической документальностью и эмоциональной достоверностью не только воссоздать в художественной форме события, но и выразить позицию автора-публициста. В последнем романе тетралогии, как справедливо отмечает Светлана Арро, «слышен прямой голос автора, взволнованный и печальный»¹⁰.

Следующий романский цикл, так называемый аргентинский диптих, составляют романы «У черты заката» и «Ступи за ограду». Их художественное единство определяется не только местом действия — Аргентина, но и взаимосвязанностью судеб героев, пролонгированностью во втором произведении проблем первого. Текст «У черты заката», выстроенный по законам романа-ошибки, ошибки нравственной, которая приводит к деградации личности, становится романом-трагедией. Здесь соединяются признаки нравственно-психологического романа с признаками романа-размышления творческой личности, самого автора «о назначении поэта и поэзии», об ответственности художника перед собой и миром за своё эстетическое высказывание, что придаёт ему черты лирического романа. Этот лиризм особенно доминирует здесь, если помнить о том, что для

⁸ Арро С. Знакомый незнакомец // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество. С. 116.

⁹ Там же. С. 115.

¹⁰ Там же. С. 117.

реэмигранта Слепухина проблема принадлежности творческой индивидуальности какому-то одному географическому, социальному, национальному ареалу являлась неизбывной. Об этом он размышлял не только в художественных текстах, но и в публицистических выступлениях. Вот что, например, заявлял он, подчёркивая невозможность для художника «жить на чужбине, если хочешь всерьёз заниматься искусством», в программной статье «Писатель и Отечество»: «Но добровольный отъезд писателя всегда будет для меня поступком непостижимым. Что надеется он найти на Западе — свободу творчества? Это наивно, полной свободы творчества нет нигде»¹¹. Эту концепцию «свободы творчества» русский писатель Слепухин утверждал намного раньше в психологическом романе-размышлении о трагической судьбе художника без родины «У черты заката». В романе «Ступи за ограду» сюжет движут не только нравственно-психологические проблемы выбора, но и политические, публицистические, проблемы активной позиции человека в общественно-политической борьбе. Отсюда — синтез жанровых форм. Вот что отмечают Акимов и Щеглова, анализируя дилогию: «Но если вдуматься, то основной сюжет прозы Ю. Слепухина — это драма, более того — трагедия постцивилизации, это торжество её “мутаций”, гибельных и для искусства, и для самого существования человека и человечества»¹². И вновь обращает на себя внимание лирическая первооснова жанровых форм этого цикла, притом, что здесь синтезированы элементы авантюрного, психологического, остросюжетного, политического, любовного романов.

Название романа «Южный крест» вызвало у меня ассоциацию с фантастической повестью Валерия Брюсова «Республика Южного Креста», однако никаких космических параллелей я не обнаружила, в силу совершенно различного материала и замысла авторов. В романе Юрия Слепухина в уже знакомом читателю аргентинском пространстве разворачивается антинацистский политический сюжет, построенный по законам авантюрного романа. Политическая интрига — правительственный переворот в Аргентине — обнажает

¹¹ Слепухин Ю. Г. Писатель и Отечество. С. 397.

¹² Акимов В. М., Щеглова Е. П. На ветрах времени : очерк творчества Ю. Г. Слепухина // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество. С. 203.

чувства человека, живущего в эмиграции, вдали от родной земли. Он, русский, существует как бы в двух мирах, создавая в своём воображении миф о далёком, но забывшем его Отечестве. В романе сосуществуют два пространства, определяющих мироощущение героя: чужое (Аргентина), располагающееся в настоящем времени, и родное (Советский Союз), оставшееся в прошлом, но чаемое в этом настоящем. За внешней фабулой авантюрного, почти детективного романа, построенного на интриге поиска преступника, прочитывается в подтексте глубинное лирическое начало, инспирированное автобиографическими реминисценциями, и публицистический пафос, т. е. Слепухин создаёт лирико-политический роман.

«Киммерийское лето» я бы назвала семейно-бытовой нравственно-психологической повестью, с лежащей на поверхности проблемой становления личности. Однако главный стержень развития сюжета здесь не столько нравственное формирование личности, проблема выбора, сколько не оставляющее и не прощающее человека прошлое (и историческое, и индивидуальное). Не случайно одним из главных героев произведения является археолог, предназначение которого связывать прошлое и настоящее, объяснять настоящее прошлым. Актуализация этих пространственно-временных отношений подсказывает определение жанровой формы «Киммерийского лета» как нравственно-философской повести.

В. М. Акимов и Е. П. Щеглова роман «Государева крестница» рассматривают как своеобразное завещание Юрия Слепухина, соотносящего события XVI столетия с судьбами России XX века¹³. Этот условно-исторический роман, при всей занимательности сюжета о психологии правителя — царя Ивана Грозного — и его отношениях с подданными, отражает публицистические размышления автора о границах дозволенности власти. А. В. Останкович в статье первого ставропольского сборника¹⁴ провёл убедительное сопоставление фактов поведения Ивана IV, изображённых в романе Слепухина,

¹³ Там же. С. 228.

¹⁴ См.: Останкович А. В. Цивилизационные основания в художественной системе романа Ю. Г. Слепухина «Государева крестница» // Судьба, опалённая войной: человек и история в творчестве Юрия Слепухина: сб. науч. ст. / ред.-сост. О. К. Страшкова. Ставрополь, 2015. С. 79–90.

с его характеристикой в известных письмах Андрея Курбского. Сам писатель в одном из писем даёт жанровое определение своему произведению об эпохе Ивана Грозного, к которой обратился «конечно же, заработка ради», называя его историко-приключенческим романом¹⁵. Однако не только фабула указывает на жанровую форму, но и авторская доминанта. В «Государевой крестнице» писатель пытается показать психологию человека, владеющего неограниченной властью, и психологию оппозиционера, бегущего не из отечества, а от государя, не признавая диктатора-властителя, вступающего с ним в нравственно-политический спор. Такая установка писателя позволяет видеть в «Государевой крестнице» историко-психологический роман (как, положим, в драматургических произведениях А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец», А. С. Пушкина «Борис Годунов», А. К. Толстого «Иван Грозный» историко-психологическую трагедию).

Продолжением воспроизведения проблемы психологии диктатора является публицистический роман «Пантократор», жанровую принадлежность которого автор заявляет в своеобразном «предуведомлении»: роман-аллегория. Один из важнейших художественных приёмов Ю. Слепухина — внутренний монолог — отражает разрушение человеческого в человеке. В открытом письме Георгию Куницыну Юрий Слепухин чётко обозначил свою человеческую и авторскую позицию по отношению к диктаторской жестокой безграничности власти, об опасности её реабилитации, поскольку диктатор — это «страшный человеческий тип — порождение тирании», и, сравнивая результаты давления на свой народ двух тиранов, Слепухин «со всей ответственностью» утверждает, «что немцам тирания Гитлера не принесла и сотой доли тех страданий, которые тирания Сталина принесла нам»¹⁶. Погружение писателя в глубинные основы мировосприятия и психологии исторической личности, диктатора Сталина, указывает на жанровую форму историко-психологического романа; предмет психологических наблюдений — биография исторического лица — даёт основание

¹⁵ Слепухин Ю. Г. Письма Д. Б. Чомакову (1991–1998 гг.) // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество. С. 479, 478.

¹⁶ Слепухин Ю. Г. Открытое письмо Георгию Куницыну // Там же. С. 465, 466.

называть «Пантократор» историко-биографическим романом. Но в обоих случаях ярко выраженная позиция автора-публициста демонстрирует лирические коннотации в жанровой форме эпического рода.

Самым полифоническим жанровым образованием является, на мой взгляд, незавершённое произведение Слепухина «Не подводя итогов», где именно и подводятся итоги размышлений и психологических рефлексий писателя по поводу всех вышеперечисленных проблем. М. С. Глинка видит в этом романе тяготение к автобиографической, исповедальной прозе. В. М. Акимов и Е. П. Щеглова, анализируя его, закономерно задаются вопросом: «какой характер носит это повествование — эпический или лирический?»¹⁷. Исследователи подчёркивают, что роман являет собой «во многом личные записки и размышления», что автором движет «творящее истину чувство вины соотечественника перед судом истории»¹⁸. Я, признаться, не вычитала в признаниях, размышлениях, воспоминаниях, героя романа чувства вины. За что ему или автору винить представителя своей и его эпохи? героя своего времени? За то, что от возбуждённого юношеского принятия революции вместе с русской интеллигенцией пришёл к её отрицанию и борьбе с ней? Борьбе не только в «белой армии» в период Гражданской войны, но и в пронизывающих всё произведение размышлениях об уродливой сущности большевизма. Героя романа Болотова не оставляет горькое разочарование, мрачная печаль не только от того, что «Россию промитинговали», но, в первую очередь, от внутренней неустроенности. Автор романа, безусловно, отграничивает себя от героя, создавая его романную судьбу, отражая его «двойное видение». Болотов воспринимает себя, свою жизнь как часть исторического процесса и в то же время настойчиво стремится раскрыть себе себя. В предисловии к «тетрадам» автор пытается обозначить задачу «записок» героя и свою писательскую установку: «попытаться правдиво, исповедально рассказать «о времени и о себе». В определении жанра *повествования, воспоминаний, исповеди, размышлений, маргиналий, историко-документальных*

¹⁷ Акимов В. М., Щеглова Е. П. На ветрах времени. С. 243.

¹⁸ Там же. С. 245, 248.

«срезов», психологических изучений и герой, и автор в одинаковой степени неуверенны. Им обоим хотелось бы вести повествование «совершенно свободно, не связывая себя жёсткими требованиями жанра». Назвать размышления-воспоминания мемуарами Болотов (и, вероятно, автор) считает нескромным. «Я всегда считал, что простые смертные мемуаров не пишут. Нужно очень высоко себя ценить, чтобы выставлять свою жизнь всем напоказ», — высказывает свои взгляды на создаваемое «творение» герой, автор тетрадей. Он постоянно вступает в диалог с предполагаемым читателем, провоцирует его к полемике, высказывает не всегда приемлемые суждения о России, о народе, о поворотах истории, о патриотизме. В этих высказываниях, конечно же, звучит голос автора-публициста, тоже ищущего, как и его герой, истину, истину историческую. И этот исторический пласт, не просто воссоздаваемый, а переживаемый и героем и автором, не даёт убедительного основания определять жанровую форму этого произведения как роман-исповедь. Вероятно, синтез лирического, публицистического, горького и безрадостного размышления больше о времени, чем о себе, позволяют говорить о тексте незавершённых тетрадях «Не подводя итогов» как о сложной метажанровой структуре.

Таким образом, классификация жанровой системы художественного наследия Юрия Слепухина позволяет говорить об особой индивидуально-авторской жанровой форме романов писателя, вступающего в творческий диалог с читателем и единомышленником, и оппонентом.

Аннотация: Исследование поэтики эпического наследия Ю. Г. Слепухина диктует необходимость актуализации проблемы жанровой идентификации. Основная категория в определении жанровой специфики романов писателя «ЛИРИЧЕСКИЙ». Жанровая форма романов Слепухина являет собой синтез признаков реалистического социально-бытового, историко-психологического, историко-публицистического, философского, любовного, авантюрного романов, отражающих самобытность индивидуально-творческого мироотражения писателя.

Ключевые слова: Юрий Слепухин, жанровая идентификация, лирический роман, историко-психологический роман, мироотражение писателя.

Annotation: A study of the poetics of the epic heritage of Yu.G. Slepukhin dictates the need to actualize the problem of genre identification. The main category in determining the genre specificity of the writer's novels «LYRICAL». The genre form of Slepukhin's novels is a synthesis of signs of a realistic social and domestic, historical and psychological, historical and journalistic, philosophical, love, the adventure novels that reflect the originality of the writer's individual and creative world-view.

Keywords: Yury Slepukhin, genre identification, lyrical novel, historical and psychological novel, the writer's view of life.

